

Очищение молитвой

ПРЕМЬЕРА

На пресс-конференции за неделю до премьеры спектакля по пьесе Григория Горина «Поминальная молитва», созданной по мотивам произведений Шолом-Алейхема, режиссер-постановщик, заслуженный деятель искусств России Александр Кузин говорил, что он не хочет, чтобы его спектакль воспринимали в национальном разрезе. Мне кажется, имел он в виду то, что классик мировой литературы Шолом-Алейхем, как и всякий великий писатель, через национальное выражает общечеловеческое. Это сохранил в пьесе Горин, на этом настаивал в своей постановке Кузин, это 16 октября явили на сцене артисты Рыбинского драматического театра.

В деревне Анатовка на юго-западной окраине Российской империи начала двадцатого века рядом живут евреи, украинцы и русские, они вместе трудятся и только хоронят умерших на своих кладбищах – так обывачи. На жизнь Анатовки Горин вслед за Шолом-Алейхемом взглянул через сложную личность Тевье, «русского человека иудейского происхождения, еврейской веры».

Мир молочника Тевье (заслуженный артист России Георгий Эльнатов), имеющего жену и пять дочерей, три из которых на выданье, устойчив от рождения. Он такой, какой завещали ему предки: вверху небо, на котором всезрящий Бог, внизу – земля, где живут люди, послушные Творцу. Тевье знает закон и любит цитировать Тору, но также хорошо знает и понимает жизнь, которая соткана из противоречий. Например, есть богатство и бедность – банкир Ротшильд, ворочающий миллиардами, и молочник Тевье, пасущий двух коров да частенько впрягающийся в бричку вместо своей дряхлой лошади, и рядом с ним такие же бедные единосельчане, для коих и владец маленькой лавки Лейзер-Вольф (артист Юрий Сорокин) кажется завидным богачом. Есть и другие противоречия: народ и власть, мужчина и женщина, «созданная не из ребра, а из слез», родители, обязанные решать, и дети, призванные повиноваться. А еще есть суббота, когда коров у Тевье доит сосед Степан, и воскресенье, в которое Тевье доит коров у Степана, да и многое другое – любовь и ненависть, плач и смех, дом и дорога... Чтобы выжить в этом сложном мире, надо следовать обычаям предков.

Тевье и его жена Голда (заслуженная артистка России Светлана Колотилова) мечтают удачно выдать замуж дочерей. Веками решение проблемы брака шло по одному и тому же пути, выбранному родителями. И вдруг начинается разрушение привычного уклада. Под влиянием Голды молочник соглашается выдать старшую дочь Цейтл (артистка Гульнора Поздняк) за старого лавочника Лейзера. Но Цейтл больше жизни любит нищего и робкого портного Мотла (артист Леонид Пантин), который, впрочем, и природную робость преодолевает, чтобы защитить любимую. И приходится Тевье пойти на уступку дочери – любовь к ней оказывается сильнее мужского обещания, хотя в этом есть отступление от закона.

Вторая дочь Годл (артистка Мария Сельчихина) уезжает с сосланным в Сибирь женихом, студентом-революционером Перчиком (артист Сергей Шарагин), который хоть и с уважением относится к обычаям предков, но проповедует идеи, противные этим обычаям. А третья дочь Хава (студентка ЯГТИ Алла Смоленкова) вообще идет наперекор Торе, убеждает из семьи и принимает православие, чтобы выйти замуж за русского писателя Федора (студент Алексей Батраков). Тевье отрекается от нее, заявляет, что у него нет больше до-

чери. Но он не в силах ответить на вопрос Хавы: «Что же у тебя за Бог, что он велит собственную дочь убивать?»

Здесь есть над чем поразмышлять. Вот и на слова попа (артист Владимир Ершов) о том, что «Бог у нас один», молочник может ответить только, что «Бог один, но дороги к нему разные». Да, разные веры, разные дороги к храму. И глядя-вываясь в дорожную даль, Тевье мечтает о приходе Мессии. Но не так же ли и православные, принявшие Иисуса Христа как Спасителя, всматриваются в дали, ожидая Его второго пришествия?

А дома у молочника умирает жена Голда. Умирает как раз в то время, когда старшая дочь рождает ей внучку. И в проникновенном предсмертном монологе, исполненном истинно материнской заботы, она выражает главный закон жизни – закон бесконечной любви. И, кажется, невозможно его ослабить, так как нет разногласия между установлением плотски-земным и установлением духовно-небесным, ибо и в Писании сказано: «возлюбь Бога своего» и «возлюбь ближнего своего, как самого себя».

том? 1917 год, революция, коммунистская куртка и ежовские застенки? Там уже нет веры, нет Бога. «А если нет веры, то все можно», – говорил устами Ивана Карамазова великий Достоевский. Лавочник Лейзер уезжает в Нью-Йорк, чтобы через десять лет встречать на Манхэттене тысячи новых беженцев из России. А другим в какое место империи пожаловать? В Житомир? В Одессу? В Варшаву, где для их детей будет создано нацистами гибельное гетто? И хотя урядник ус покаивает их: «Что вы здесь имеем? Земли вершок да пустой горшок. Вас куда ни сошли, хуже не будет», – у истории другая точка зрения.

И эта более печальная точка зрения совпадает с ответом ребе на вопрос: «Что лучше для бедного человека: родиться или не родиться?» Мудрый ребе (артист Эдуард Иванов) замечает: «Лучше не родиться, но не каждому так повезет».

Впрочем, евреи Анатовки слишком любят жизнь, чтобы поверить в свое невезение. Да, впереди дорога в неизвестность. Но не это главное. Главное то, что они сохранили любовь друг к другу, а над всем остальным можно и посмеяться.

– Почему смех? – спрашивают Тевье.

– А что нам еще остается в этой жизни? – попросту отвечает молочник.

Увы, вскоре к власти придут люди, не принимающие самоиронии, они погонят миллионы русских, украинцев и других народов России в смертные котлованы ГУЛАГа. И русская культура, основанная на православии, будет ими разрушаться...

Вся сложная проблемати-

Да, если власть несправедна, то все в ней несправедно – от высших ее лиц до последнего чиновника.

Но любви всегда противостоит ненависть. Иногда она надевает на себя маску обычая, маску религиозного догмата. А иногда без стеснения открывает свое бандитское мурло – на дом Тевье во время свадьбы Цейтл и Мотла нападают погромщики. А вскоре урядник (артист Евгений Колотиллов) зачитывает решение губернской власти о выселении евреев из деревни в течение 24 часов. Урядник, свой паренеземляк, напивается из-за такого несправедливого решения и дает на выселение целых трое суток. Но Тевье резонно замечает ему: «Вы тут власть – на сочувствие не рассчитывайте. И совесть горилкой не залейте».

Да, если власть несправедна, то все в ней несправедно – от высших ее лиц до последнего чиновника. А именно по вине власти ждут новые испытания. Но прежде еще надо пережить прощание с землей предков, где растет посаженный в честь твоего рождения дуб. Тевье в отчаянии пытается срубить этот дуб, но топориче ломается, как бы говоря, что свои сердечные корни из этой земли уже не вынуть. Впереди дорога в неизвестность. Перед этой дорогой Хава с Федором приходят к отцу, желая поехать вместе с выселяемыми. И Тевье примиряется с ней. Оказывается, и разные дороги к Богу могут совместиться на земле. И не зря рассудительно замечает сосед молочника Степан (артист Василий Лугинин): «Мы только на этой земле по разным кладбищам разбегаемся, а там, на небе, вместе будем».

Эх, дороги! Это властный двадцатый век грядет миллионными передвижениями армий и народов. Как его чутко угадал Шолом-Алейхем! Годл с Перчиком в Сибири. А что по-

ка, которая поднимается в пьесе, явлена в спектакле без всякой натури: то с обнаженной болью, то с обнаживающим юмором и на едином сценическом ритме. Естественно, вкраплены в этот ритм не только танцы, даже смена отдельных предметов декоративного интерьера служит элементом театрального действия. И замечательная еврейская музыка, большую часть спектакля веселая, а в финале трагически грустная, подчеркивает его настроение.

Из главных действующих лиц спектакля нельзя не отметить Менахема-Мендла, родственника Тевье (артист Юрий Задиранов) – очень современного типа за все хватающегося, легкомысленно-оптимистического предпринимателя. Да и все эпизодические роли удачно вписываются в ансамбль. Но в центре внимания, конечно же, оказывается блестящая игра Георгия Эльнатанова и Светланы Колотиловой, создающих на сцене диалектически-сложные и кровно-живые образы любящих матери и отца, заставляющие вспомнить героев Ветхого Завета.

Каждый писатель, каждый драматург творит в том числе и для того, чтобы «сущее увековечить». Назвав свою пьесу «Поминальная молитва», Григорий Горин одним названием обьял целый художественный космос. Да, на сцене Рыбинского драмтеатра перед зрителями развернулась воистину поминальная молитва, и не только о жителях Анатовки, не просто о подданных российской короны прошлого века, но о всех честных и сердечных людях, прошедших по нашей суровой земле. Молитва, как известно, очищает живущих. Пусть очистит она и нас.

Анатолий СМЕРНОВ